

Г И Й О М
М Ю С С О

после...

Книга, которая дарит надежду

Гийом Мюссо

После...

«ЭКСМО»

2004

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Мюссо Г.

После... / Г. Мюссо — «Эксмо», 2004

ISBN 978-5-699-89334-8

Натан Дель Амико жил с уверенностью, что главное в жизни – работа. Карьера успешного адвоката – то, чем он, человек из низов, на самом деле мог гордиться. В жертву карьере он готов был принести все, в том числе отношения с самыми близкими людьми. Разрыв с женой отрезвил его, он понял, что очень многое упустил, что разучился отличать главное от второстепенного. Есть ли шанс переиграть судьбу? Или хотя бы как можно дольше оставаться с теми, кто ему дорог? Здесь. Сейчас. Потому что никто не знает, что будет после...

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-89334-8

© Мюссо Г., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Пролог	6
1	7
2	9
3	12
4	17
5	20
6	26
7	33
8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гийом Мюссо

После...

Guillaume Musso
ET APRÉS

Copyright © XO Éditions, 2003. All rights reserved.

© Cercle Noir

Based on a photo by Takashi Seida

© Короткова Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

**Остров Нантакет
штат Массачусетс
Осень 1972 года**

На востоке, за клюквенными болотами, раскинулось озеро Санкати-Хед. Погода стояла отличная. Несколько дней было холодно, но теперь снова вернулось тепло. Яркие краски бабьего лета, как в зеркале, отражались в водной глади.

– Эй, иди сюда! Посмотри!

Мальчик подошел к берегу и посмотрел туда, куда указывала его подруга. По озеру, окруженная хороводом опавших листьев, грациозно скользила большая птица. Гибкая длинная шея, белоснежное оперение, черный клюв. Это был лебедь. Когда до детей оставалось всего несколько метров, птица нырнула, а потом снова показалась на поверхности. Она издала протяжный крик, нежный и мелодичный, столь непохожий на крики желтоклювых лебедей в городских парках.

– Я хочу погладить его!

Девочка подошла к самой воде и протянула руку. Испуганная птица резко расправила крылья и взлетела. От неожиданности девочка покачнулась и, не удержавшись, упала в воду.

Вмиг от холода перехватило дыхание, сдавило грудь. Для своего возраста она неплохо плавала, ей даже удавалось проплыть несколько сот метров брассом, но это было на пляже и в теплую погоду. А в озере вода была ледяная, берег слишком крутой, и девочка отчаянно барахталась, изо всех сил борясь со стихией. Она с ужасом подумала, что ей ни за что не выбраться на берег...

Увидев подругу в беде, мальчик в ту же секунду бросился на помощь – скинул кроссовки и прямо в одежде прыгнул в воду.

– Не бойся! Держись за меня!..

Девочка вцепилась в своего спасителя. Он с трудом добрался до берега и, захлебываясь, вытолкнул подругу на сушу. А когда попытался выбраться сам, силы неожиданно оставили его. Казалось, будто кто-то тащит его на дно. Мальчик задыхался, сердце бешено колотилось, голову сжимало тисками. Он боролся из последних сил, пока легкие не заполнились водой и силы не оставили его. В висках невыносимо стучало, он увидел яркую вспышку, а потом наступила кромешная тьма... Он начал тонуть.

Никакой надежды не осталось, только холодная жуткая тьма вокруг. И вдруг – яркий луч света!..

1

Одни рождаются великими, другие достигают величия...
Шекспир¹

Манхэттен

Наши дни. 9 декабря

В это утро, впрочем как и во все остальные, Натана Дель Амико разбудили два звонка. Он всегда заводил два будильника: один механический, другой на батарейках. Мэлори это ужасно веселило. Натан съел на завтрак кукурузные хлопья, надел тренировочный костюм и старые кроссовки «Рибок» и отправился на ежедневную утреннюю пробежку.

В лифте он посмотрел на себя в зеркало: молодой спортивный мужчина, только лицо усталое. «Отдых тебе нужен, вот что я тебе скажу», – подумал он, пристально разглядывая синие круги у себя под глазами. Потом до самого верха застегнул куртку, надел теплые перчатки, шерстяную шапку с эмблемой команды «Янки» и вышел на улицу.

Натан жил на двадцать третьем этаже небоскреба «Сан-Ремо», одного из самых шикарных зданий Верхнего Вестсайда; окна выходили прямо на Централ-Парк-Уэст.

Было еще темно, очертания небоскребов по обе стороны улицы только начинали выступать из темноты. Обещали снег, но прогноз пока не подтвердился. Натан побежал трусцой.

Город выглядел празднично: повсюду гирлянды, двери домов украшены рождественскими венками. Пробежав не останавливаясь мимо Музея естествознания, Натан углубился в парк. В этот ранний час здесь не было ни души, холод не располагал к прогулкам. С Гудзона дул ледяной ветер, сметая мусор с беговой дорожки, которая огибала искусственное озеро посреди парка.

Считалось, что до рассвета бегать вокруг озера опасно, но Натан не обращал внимания на эти разговоры: он бегал здесь уже много лет, и с ним до сих пор ничего не случилось. Ни за что на свете он не отказался бы от ежедневной пробежки!

Через сорок пять минут он остановился около Траверс-роуд, выпил воды и сел на лужайку, чтобы передохнуть. Подумал о мягких зимах Калифорнии, вспомнил побережье Сан-Диего с пляжами, растянувшимися на десятки километров и будто специально придуманными для пробежек. В мгновение ока воспоминания захватили его целиком. Он словно наяву услышал звонкий смех своей дочери Бонни. Как он по ней соскучился! В воображении перед ним предстало лицо его жены Мэлори, ее огромные глаза цвета морской волны...

Натану пришлось сделать над собой усилие, чтобы прогнать наваждение. «Хватит беречь раны!» – подумал он, но продолжал сидеть на траве. После того как несколько месяцев назад жена ушла от него, на душе у него было тоскливо и пусто. Он и не подозревал, каким одиноким и несчастным можно себя чувствовать... На глазах у него выступили слезы, но ледяной ветер тут же высушил их.

Натан глотнул воды. С самого утра он чувствовал в груди какую-то тяжесть, ноющую боль, которая мешала как следует вдохнуть. В воздухе закружились первые хлопья снега. Натан встал и поспешил домой, нужно было успеть принять душ перед работой.

Безукоризненно выбритый, в темном костюме, Натан вышел из такси на углу Парк-авеню и 52-й улицы и направился к стеклянной башне, где находились офисы компании «Марбл и Марч». «Марбл» была самой успешной адвокатской фирмой в Нью-Йорке: более девяти сот служащих на территории Соединенных Штатов, и почти половина из них – здесь.

¹ Перевод Е. Лицевой.

Натан начал карьеру в представительстве в Сан-Диего и сразу завоевал всеобщее расположение – сам директор фирмы Эшли Джордан предложил перевести его в Нью-Йорк. Так в тридцать один год Натан вернулся в город своего детства, где его ждал пост заместителя начальника отдела слияний и поглощений. Удивительный взлет в таком возрасте.

Натан осуществил свою мечту – стал одним из самых молодых и знаменитых адвокатов. Он преуспел в жизни. Для этого он не играл на бирже и никогда не пользовался связями, чтобы чего-то добиться. Он зарабатывал деньги собственным трудом – заставлял уважать закон и защищал права граждан и компаний. Блестящий юрист, богатый и гордый собой – таким выглядел Натан Дель Амико со сто роны.

Первую половину дня он занимался текущими делами и встречался с подчиненными. В полдень Эбби принесла ему кофе и соленые крендели с тмином и сливочным сыром. Вот уже много лет Эбби была его помощницей. Она родилась в Калифорнии, но настолько привязалась к Натану, что последовала за ним в Нью-Йорк. Средних лет, не замужем, она всю себя отдавала работе. Натан полностью ей доверял и поручал самые ответственные дела. Эбби обладала незаурядными способностями, что позволяло ей выдерживать бешеный темп, который задавал Натан.

На ближайший час не было запланировано никаких встреч. Натан решил воспользоваться паузой и отдохнуть. Боль в груди не проходила. Он ослабил узел галстука, потер виски и брызнул в лицо холодной водой. «Перестань думать о Мэлори!» – приказал он себе.

– Натан? – Эбби вошла без стука, как всегда, когда они оставались одни, и, напомним расписание на вторую половину дня, добавила: – Утром звонил некто Гаррет Гудрич, он попросил о срочной встрече.

– Гудрич? Никогда не слышал.

– Это известный врач. Как я поняла, он от Эшли Джордана, его друг детства.

– Что ему нужно? – удивился Натан.

– Не знаю, он не сказал. Сказал только, что Джордан считает вас лучшим.

Это правда, я еще не проиграл ни одного процесса. Ни одного.

– Пожалуйста, свяжите меня с Эшли.

– Час назад он уехал в Балтимор, по делу Кайла.

– Ах, да! В котором часу придет этот Гудрич?

– Я назначила ему на семь.

Эбби уже вышла из кабинета, но вернулась, просунула голову в дверь и добавила:

– Наверное, пациент подал иск против какого-нибудь врача. Или еще что-нибудь в этом роде.

– Да, возможно, – согласился Натан, снова погружаясь в чтение бумаг. – Если так, отправим его в отдел на четвертом этаже.

Гудрич пришел чуть раньше семи, и Эбби сразу же проводила его к Натану. Это был высокий мужчина лет шестидесяти с мощными, как у борца, плечами. В кабинет он вошел уверенным шагом, остановился в самом центре. Он снял пальто и отдал его Эбби. Запустил пальцы в седые волосы, пригладил густую шевелюру. Задумчиво поглаживая короткую бороду, пристально посмотрел на Натана. Когда их глаза встретились, Натан внезапно почувствовал себя плохо – он стал задыхаться, в глазах потемнело...

2

*И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце.
Апокалипсис, XIX, 17*

– Что с вами, господин Дель Амико?

Черт побери, и правда, что это со мной?!

– Ничего... Ничего! Просто перехватило дыхание... Наверное, переутомился. Однако такой ответ не удовлетворил его гостя.

– Я врач. Если хотите, я вас осмотрю! – бодро предложил незнакомец.

Натан попытался улыбнуться:

– Спасибо, не нужно. Все в порядке.

– Точно?

– Уверю вас.

Не ожидая приглашения, Гудрич сел в кресло и огляделся: книжные полки от пола до потолка, среди книг много старинных изданий, массивный письменный стол, стол для совещаний и уютный диван. В кабинете Натана все выглядело очень солидно.

– Итак, что вам угодно, доктор Гудрич? – спросил Натан, выдержав паузу.

Доктор положил ногу на ногу и принялся медленно крутиться во вращающемся кресле.

Потом ответил:

– Мне от вас ничего не нужно, Натан... Можно вас так называть?

Его вопрос был больше похож на утверждение.

Натан не дал сбить себя с толку:

– Вы пришли ко мне по профессиональному вопросу? Наше адвокатское бюро защищает врачей, которых преследуют пациенты...

– К счастью, это не мой случай, – перебил его Гудрич. – Я не оперирую, когда пьян. И не стану резать правую ногу, если болит левая.

Натан вежливо улыбнулся.

– Так в чем ваша проблема, доктор Гудрич?

– Ну, у меня несколько лишних килограммов, но...

– По этому поводу нужно обращаться не к адвокату, согласитесь...

– Согласен.

Он что, издевается?!

В кабинете надолго воцарилось молчание. Впрочем, Натана было нелегко вывести из себя. Адвокатская практика многому его научила. Он пристально смотрел на посетителя: где-то он уже видел этот высокий лоб, мощную челюсть, густые брови... В глазах Гудрича не было никакой враждебности, но Натану почему-то стало не по себе.

– Выпьете чего-нибудь? – спросил он, стараясь сохранить невозмутимость.

– С удовольствием. Я бы не отказался от стаканчика «Сан-Пеллегрино».

Пока они ждали, когда Эбби принесет минеральной воды, Гудрич встал и начал прохаживаться по кабинету, с интересом рассматривая книжные полки. «Да он тут как у себя дома!» Натан все больше раздражался. Вдруг Гудрич заметил на столе у Натана серебряного лебедя.

– Этим и убить можно, – заметил он, взвешивая статуэтку в руке.

– Запросто, – кивнул Натан, криво улыбнувшись.

– В древних кельтских легендах есть множество упоминаний о лебедях, – негромко сказал Гудрич, словно обращаясь к самому себе.

– Вы интересуетесь кельтской культурой?

– Семья моей жены родом из Ирландии.

– Моей тоже.

– Вы хотите сказать – вашей бывшей жены.

Натан пронзил его взглядом.

– Эшли говорил, что вы в разводе, – спокойно объяснил Гудрич.

Сам виноват, нечего было рассказывать этому болтуну о своей личной жизни!

– В кельтских легендах, – продолжил Гудрич, – говорится о том, что существа из другого мира, попадая на землю, часто принимают образ лебедя.

– Очень поэтично, но не могли бы вы объяснить...

Тут вошла Эбби с подносом, на котором стояла бутылка минеральной воды и два полных стакана. Гудрич поставил лебедя на место, взял стакан и медленно выпил все до дна, наслаждаясь каждым глотком.

– Что это? – спросил он, указывая на левую руку Натана.

Натан пожал плечами.

– Пустяки, поцарапался о решетку во время пробежки.

Гудрич поставил стакан и лекторским голосом произнес:

– Пока вы это говорили, сотни клеток кожи были заняты процессом восстановления.

Одна клетка погибает, другая ее замещает. Тканевый гомеостаз!

– Очень интересно.

– Но в то же время огромное количество нейронов вашего мозга разрушается каждый день, с тех пор как вам исполнилось двадцать лет.

– Думаю, это удел каждого человека.

– Верно. Постоянное равновесие между созиданием и разрушением.

Да он просто псих.

– Зачем вы все это говорите?

– Затем, что смерть повсюду. В каждом человеке в любой момент его жизни силы жизни и смерти постоянно ведут борьбу.

Натан встал и направился к двери:

– С вашего разрешения, я вас покину на несколько минут.

– Да, конечно...

Натан вышел в зал секретариата, сел за свободный компьютер и стал просматривать сайты нью-йоркских больниц. Через некоторое время он выяснил, что человек, сидевший у него в кабинете, не был самозванцем, проповедником или сумасшедшим, сбежавшим из больницы. Его действительно звали Гаррет Гудрич. Он был хирургом-онкологом, стажировался в главной больнице Бостона, а сейчас работал в Стейтен-айлендской больнице и там же руководил Центром паллиативной помощи. Известный человек, медицинское светило. На фотографии в Интернете был тот самый шестидесятилетний мужчина, который сидел сейчас в его кабинете.

Натан внимательно прочитал резюме Гудрича и, возвращаясь в кабинет, задумался: он не был ни в одной из тех больниц, где работал этот врач, но почему его лицо кажется таким знакомым?

– Итак, вы говорили о смерти, Гаррет? Вы позволите так вас называть?

– Я говорил о жизни, Дель Амико. О жизни и времени, которое уходит.

Натан демонстративно посмотрел на часы, что должно было означать: у него полно дел и гостю пора уходить.

– Вы слишком много работаете, – заметил Гудрич.

– Очень тронут вашей заботой о моем здоровье.

Снова воцарилось молчание. Атмосфера становилась все напряженнее.

– Господин Гудрич, я в последний раз спрашиваю: чем могу быть полезен?

– Натан, думаю, это я могу быть вам полезен.

– Я вас не понимаю...

– Ничего страшного, потом поймете. И узнаете, что некоторые испытания особенно тяжело выдержать.

– Что вы хотите сказать?

– К испытаниям нужно быть готовым.

– Не понимаю!

– Кто знает, что ждет нас завтра? Важно правильно расставить приоритеты.

– Очень глубокая мысль, – усмехнулся Натан. – А может быть, это угроза?

– Нет, это послание.

Взгляд Гудрича почему-то вселял тревогу. *Послание? Гони его прочь! Этот парень несет вздор. Не позволяй морочить себе голову.*

– Возможно, я не должен этого говорить, но... если бы вы пришли не от Эшли Джордана, я бы уже давно вызвал охрану и приказал выставить вас отсюда.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Гудрич. – Кстати, я не знаком с Эшли Джорданом.

– Но я думал, что он ваш друг...

– Нет. Мне просто нужен был предлог, чтобы попасть к вам.

– Постойте... Но если вы не знаете Джордана, кто вам рассказал о моем разводе?

– Это написано у вас на лице.

Ну все, это последняя капля. Натан резко встал и с плохо скрываемым раздражением распахнул дверь.

– Мне нужно работать!

– Вы уверены? Хорошо, я ухожу... Пока ухожу.

Гудрич встал, направился к двери и вышел, не оборачиваясь. Падающий из окна свет очертил его фигуру. Он был похож на настоящего великана.

– Что вам от меня было нужно? – растерянно крикнул Натан ему вслед.

– Думаю, вы это знаете, Натан. Вы это знаете, – ответил Гудрич уже из коридора.

– Ничего я не знаю! – Натан захлопнул дверь, но тут же снова открыл и крикнул: – Я понятия не имею, кто вы такой!

Но Гаррет Гудрич был уже далеко.

3

*Конечно, карьера – это здорово! Но она не согреет тебя холодной,
одиноким ночью.*
Мэрилин Монро

Натан закрыл дверь, сел и закрыл глаза. Он прижал ко лбу стакан воды и просидел так несколько минут. Он смутно чувствовал, что еще услышит о Гудриче. Что это так просто не кончится... Еще он понял, что сегодня больше работать не сможет. Кровь прилила к лицу, боль в груди усиливалась и мешала сосредоточиться...

Натан встал и, не выпуская стакан из рук, подошел к окну – ему хотелось посмотреть на синеватые отблески окон «Хелмсли-билдинг». Этот небоскреб рядом с огромным некрасивым зданием «Метлайф» казался настоящей жемчужиной. Пирамида, венчавшая крышу, выделяла его среди других строений и придавала особый шик. Несколько минут Натан смотрел на плотный поток машин, который двигался к югу по двум гигантским эстакадам. Снег падал на город, перекрашивая его во всевозможные оттенки белого и серого.

Каждый раз, когда Натан подходил к окну, его охватывало тягостное чувство. 11 сентября, когда произошел первый взрыв, он сидел за компьютером и работал. Ему никогда не забыть того страшного дня, столбы черного дыма в ясном небе, чудовищное облако из пыли и обломков обрушившихся башен. Впервые Манхэттен с его небоскребами показался Натану таким маленьким, уязвимым... Как и большинство коллег, он старался не говорить об этом. *Business as usual* – дело делается, несмотря ни на что. Однако жители Нью-Йорка говорили, что город уже никогда не станет прежним.

Так я ничего не успею.

Натан взял три папки и положил в портфель – к удивлению Эбби, он решил сегодня поработать дома. Он, наверное, уже лет сто не уходил с работы так рано. Обычно он работал по четырнадцать часов в день шесть дней в неделю, а после развода часто приходил сюда и по воскресеньям. Натан проводил на работе больше времени, чем все остальные служащие.

О его последнем успехе много писали в газетах: ко всеобщему изумлению, ему удалось осуществить слияние предприятий «Доуни» и «Нью вэкс». В связи с этим в «Нэшнл лойер», одной из самых известных в юридической среде газет, появилась хвалебная статья. Победы Натана вызывали раздражение у большинства коллег – слишком уж он был безукоризненным.

Холодный воздух принес облегчение, снегопад почти прекратился. Ожидая такси, Натан слушал, как у церкви Святого Варфоломея поют дети в белых одеждах. Музыка звучала нежно и волнующе.

Натан приехал в «Сан-Ремо» чуть позже шести, приготовил чай и взял телефон. В Сан-Диего сейчас три часа дня: возможно, Бонни и Мэлори дома. Через несколько дней Бонни должна приехать к нему на каникулы, и он хотел уточнить детали. С опаской он набрал номер, услышал, как включился автоответчик: «Вы позвонили Мэлори Векслер. Сейчас я не могу ответить...»

Как приятно слышать ее голос – это как глоток воздуха после долгого удушья. Теперь ему хватало даже такого пустяка, хотя он всегда отказывался довольствоваться малым. Внезапно запись на автоответчике прервалась:

– Алло!

Натану стоило нечеловеческих усилий взять себя в руки, повинувшись старому идиотскому рефлексу – никому не показывать своей слабости. Даже жене, с которой они были знакомы с самого детства.

– Привет, Мэлори!

Сколько времени прошло с тех пор, когда он в последний раз назвал ее «любимая»?

– Здравствуй, – холодно ответила она.

– Как дела?

Мэлори оборвала его:

– Натан, что тебе нужно?

Так, я понял: день, когда ты будешь нормально со мной разговаривать, еще не настал.

– Я хочу обсудить поездку Бонни. Она дома?

– Она на уроке музыки. Вернется через час.

– Может, ты скажешь, во сколько она прилетает? Кажется, ее самолет вечером...

– Она придет через час, – повторила Мэлори, торопясь закончить разговор.

– Отлично! Ну ладно, до встречи...

Но Мэлори уже положила трубку.

Натан никогда не думал, что в их отношениях наступит такой холод. Как вышло, что люди, которые были так близки, вдруг стали совсем чужими друг другу? Натан лег на диван в гостиной и стал смотреть в потолок. Каким наивным он был! Все вполне закономерно, стоит только оглянуться вокруг: разводы, предательства, усталость... На работе жестокая конкуренция; успеха добивается только тот, кто жертвует семейной жизнью и отдает работе все свое время. Каждый клиент приносил фирме десятки миллионов долларов – это требовало от адвокатов полной отдачи сил. Таковы были правила игры, цена, которую приходилось платить, чтобы подняться на самый верх. Натан принял эти правила и взамен ежемесячно получал сорок пять тысяч долларов. Кроме того, он был компаньоном фирмы и получал ежегодную премию – еще полмиллиона. Всего на его банковском счету скопилось около миллиона долларов.

Но личная жизнь покатила по наклонной, семья распалась. Под конец у него не находилось времени даже для того, чтобы позавтракать дома или проверить у дочери уроки. Еще через несколько месяцев они с женой развелись. Конечно, он был не единственным, с кем такое произошло, – половина его коллег пережила развод, но это было слабым утешением.

Бонни тяжело переживала то, что происходило в семье. Ей было семь лет, но она еще писалась по ночам из-за острых приступов страха. Натан звонил ей каждый вечер, но ему хотелось почаще с ней видеться...

«Нет, – думал Натан, ворочаясь на диване, – если человек спит в своей постели один, если вот уже три месяца не видел дочь, значит, он ничего не добился в жизни. Даже если заработал миллион».

Натан снял обручальное кольцо, которое продолжал носить и после развода, и прочел отрывок из Песни Песней², который Мэлори перед свадьбой попросила выгравировать внутри: «Крепка, как смерть, любовь наша». Продолжение он знал: «Большие воды бессильны потушить любовь, и реки не зальют ее». Чепуха все это, слюни для влюбленных юнцов! Любовь далеко не совершенна, она бессильна против времени и обстоятельств.

Когда-то он верил, что его семья – это исключительное явление, не подчиняющееся никаким законам логики. Они с Мэлори знали друг друга с десяти лет. И с самого начала их связывала невидимая нить. Как будто судьба сделала их союзниками, способными выдержать любые жизненные испытания.

² Книга Ветхого Завета, приписываемая царю Соломону. В буквальном прочтении – собрание любовных гимнов, раскрывающих взаимные чувства Соломона и Суламифи.

Натан смотрел на фотографии бывшей жены, расставленные на комод. Его взгляд задержался на самой последней, которую он добыл с помощью Бонни. На снимке лицо Мэлори казалось бледным, расставание и ей далось трудно. Но эти длинные ресницы, тонкий нос, белые зубы... Фотография была сделана во время прогулки по Силвер-бич, пляжу, усыпанному серебристыми ракушками. Косы Мэлори были сколоты черепаховым гребнем, а узкие очки делали ее похожей на Николь Кидман в фильме «С широко закрытыми глазами», хотя ей не нравилось это сравнение. Натан невольно улыбнулся, глядя на пестрый свитер – один из любимых свитеров Мэлори, которые она вязала сама. Выглядела она в нем шикарно и казалось совершенно беззаботной.

Мэлори изучала экономику окружающей среды, получила степень доктора наук и преподавала в университете. Но с тех пор как переехала в старый дом недалеко от Сан-Диего, принадлежавший еще ее бабушке, она оставила преподавание и полностью погрузилась в сотрудничество с организациями, которые оказывали самую разную помощь нуждающимся. Мэлори поддерживала сайт одной общественной организации, рисовала акварели и мастерила миниатюрную мебель, украшая ее ракушками. Свои поделки она продавала туристам в Нантакете, когда приезжала туда на лето. Ни деньги, ни социальный статус не имели для нее никакого значения. Она часто говорила, что прогулка в лесу или по пляжу не стоит ни доллара.

Натан такого отношения к жизни не признавал. «Легко так говорить, когда ни в чем не нуждаешься и никогда не нуждался!» – обычно отвечал он.

Мэлори родилась в богатой семье и носила известную в определенных кругах фамилию. Ее отец был генеральным директором самой перспективной юридической фирмы Бостона. Мэлори не нужно было делать карьеру, чтобы завоевать себе положение в обществе.

В следующее мгновение Натан ясно представил родинки на ее теле... и попытался прогнать это воспоминание. Он достал папки с работой, включил компьютер, сделал выписки и надиктовал несколько писем для Эбби.

В половине десятого прозвенел долгожданный звонок.

– Привет, пап!

– Привет, бельчонок!

Бонни подробно рассказала, как прошел день. Она привыкла так делать еще тогда, когда они жили все вместе. Рассказала о тиграх и бегемотах, которых видела в зоопарке. Натан расспрашивал ее об учебе и о школьном футбольном матче. Какая насмешка судьбы – теперь, когда между ними лежали три тысячи километров, Натан стал подолгу разговаривать с дочерью.

Внезапно голос Бонни изменился. В нем звучал страх:

– Я хотела тебя попросить...

– Все, что угодно, дорогая.

– Я боюсь одна лететь на самолете. Может быть, ты заберешь меня в субботу?

– Бонни, это смешно! Ты ведь уже большая девочка!

Как раз в эту субботу у Натана была назначена деловая встреча: последние приготовления к примирению двух фирм, над которым он работал целых два месяца. Натан сам настоял, чтобы встреча состоялась именно в этот день.

– Прошу тебя, пап, приезжай за мной!

Натан слышал, как дрожит голосок Бонни, она была готова расплакаться. Бонни никогда не капризничала, и, если она говорила, что боится лететь одна, значит, это так и было. Меньше всего на свете Натану хотелось огорчать ее, особенно сейчас!

– Конечно, милая! Я приеду! Обещаю!

Бонни успокоилась, и они поговорили еще несколько минут. Чтобы рассмешить дочь, Натан рассказал анекдот про Пуха, рекламирующего горшочек меда.

– Я люблю тебя, моя дорогая!

Натан положил трубку и задумался о том, как быть со встречей. Перенести ее? Или нанять кого-нибудь, кто привезет Бонни в Нью-Йорк из Калифорнии? Нет, эту мысль он тут же отбросил. Мэлори никогда ему этого не простит. И потом, он обещал Бонни, что приедет сам. Ничего, он что-нибудь придумает.

Лежа на диване, Натан записывал на диктофон свои комментарии к документам и неожиданно уснул – с включенным светом и прямо в обуви. Когда зазвонил домофон, он в ужасе вскочил.

– К вам посетитель, доктор Гаррет Гудрич, – сказал консьерж.

Натан посмотрел на часы: черт побери, уже девять! Ему совершенно не хотелось пускать Гудрича к себе домой.

– Питер, я не знаю этого господина.

– Не валяйте дурака! – крикнул Гудрич, выхватив трубку у консьержа. – Это важно!

Господи! За что мне все это?

Натан потерял глаза. В глубине души он знал, что ничего не прояснится, пока он не поговорит с Гудричем начистоту. Может быть, он хотя бы поймет, что нужно от него этому человеку.

– Хорошо, пропустите его, Питер.

Натан застегнул рубашку, открыл дверь и вышел на площадку, чтобы встретить доктора.

– Что вам нужно, Гаррет? Вы знаете, сколько времени?

– Хорошая квартира, – Гудрич заглянул внутрь.

– Я спрашиваю, что вы здесь делаете?

– Дель Амико, вы должны пойти со мной.

– Да я плевать на вас хотел! С какой стати вы мне приказываете?

Гудрич сказал чуть мягче:

– Просто доверьтесь мне.

– А где гарантия, что вы не опасны?

– Никакой гарантии, – Гудрич пожал плечами. – Любой человек может быть опасен.

Сунув руки в карманы длинного пальто, Гудрич невозмутимо шагал по улице. Натан плелся позади, потирая озябшие руки.

– Как холодно!

– Вы что, всегда жалуетесь? – спросил Гудрич. – Летом в Нью-Йорке душно, но зимой тут просто прекрасно.

– Чепуха!

– Холод убивает микробы, и потом...

Натан не дал Гудричу закончить:

– Давайте поймем такси! – Он подошел к краю тротуара и стал махать рукой: – Стой! Стой!

– Перестаньте кричать, Дель Амико, это смешно!

– Если вы вообразили, что я буду мерзнуть ради вашего удовольствия, то вы глубоко ошибаетесь!

Две машины проехали мимо, даже не притормозив. Наконец желтое такси остановилось рядом с ними. Гудрич сказал водителю, куда ехать: пересечение Пятой авеню и 34-й улицы.

Натан растирал руки. В машине было очень тепло, по радио передавали старую песню Синатры. По Бродвею гуляли целые толпы народу, магазины перед Рождеством работали круглые сутки.

– Пешком было бы быстрее, – заметил Гудрич, когда они застряли в пробке.

Натан лишь мрачно посмотрел на него. Через несколько минут они попали на Седьмую авеню, где было свободнее, доехали до 34-й улицы, повернули налево и метров через сто остановились. Гудрич заплатил таксисту, и они вышли из такси у подножия одного из самых знаменитых манхэттенских небоскребов – Эмпайр-стейт-билдинг.

4

*Встал с огненным мечом архангел за тобой И, в бой благословив,
подталкивает к бездне!*

Виктор Гюго³

Натан поднял глаза к небу: теперь, когда башни-близнецы были разрушены, старик Эмпайр вновь стал самым высоким небоскребом на Манхэттене. Здание возвышалось над Мидтауном, поражая сочетанием изящества и мощи. В преддверии Рождества его этажи сверкали красными и зелеными огнями.

– Вы действительно хотите подняться наверх? – Натан указал на сверкающий шпиль, разрывавший пелену ночи.

– У меня даже есть билеты. – Гудрич достал из кармана два маленьких прямоугольника из голубого картона. – С вас шесть долларов.

Натан кивнул и, смирившись, последовал за ним. Они вошли в холл, оформленный в стиле модерн. Часы на стене за стойкой показывали половину одиннадцатого. Рядом висело объявление о том, что билеты будут продаваться еще в течение часа, а смотровые площадки открыты до полуночи. В новогодние праздники Нью-Йорк принимал огромное количество туристов. Несмотря на поздний час, в холле толпились люди и рассматривали фотографии знаменитостей, когда-то побывавших здесь, чтобы полюбоваться видом.

Благодаря Гудричу в очереди им стоять не пришлось. Они поднялись по лестнице на второй этаж, оттуда сверхскоростной лифт меньше чем за минуту доставил их на смотровую площадку на восьмидесятом этаже. Там они пересели в другой лифт и, поднявшись на триста двадцать метров от земли, оказались на площадке восемьдесят шестого этажа, со всех сторон огороженной стеклянными стенами.

– Если вы не против, я останусь тут, в тепле. – Натан развязал пояс пальто.

– Идите за мной! – произнес Гудрич тоном, не допускавшим возражений.

Они вышли на открытую площадку. Ледяной ветер с пролива Ист-Ривер заставил Натана пожалеть о том, что он не захватил шапку и шарф.

– Моя бабушка всегда говорила: «Вы не знаете Нью-Йорка, если не были на вершине Эмпайр-стейт-билдинг!» – проревел Гудрич, перекрикивая шум ветра.

Да, здесь действительно было волшебное место. У лифта призрак Кэри Гранта ждал Дебору Керр⁴... но нет, она еще не пришла... Чуть дальше японская пара, облокотившись о перила, изображала Тома Хэнкса и Мэг Райан из последних кадров фильма «Неспящие в Сиэтле».

Натан осторожно подошел к краю площадки и посмотрел вниз. Ночь, холод, облака, таинственные очертания города... Он залюбовался открывающимся видом – отсюда, с высоты, из самого центра Манхэттена, был виден шпиль Крайслер-билдинг и Таймс-сквер, где бурлила жизнь.

– С самого детства тут не был, – признался Натан, с любопытством оглядываясь.

Далеко внизу ползли крошечные автомобили. С восемьдесят шестого этажа они казались такими крошечными, что казалось, будто их непрерывный поток ползет на другой планете. А великолепный мост на 59-й улице – наоборот, оказался удивительно близко и отражался в темных водах Ист-Ривер.

³ «Конец», из цикла «Возмездие», перевод Г. Шенгели.

⁴ Актеры, исполнившие главные роли в голливудском фильме «Незабываемый роман» (1957).

Натан и Гудрич долго молча восхищались завораживающим зрелищем. Ледяной ветер обжигал лица. У всех, кто оказался здесь в этот вечер, невольно возникало приподнятое настроение. Рядом самозабвенно целовалась влюбленная парочка, группа французских туристов сравнивала Эмпайр-стейт-билдинг с Эйфелевой башней, а пара из Вайоминга рассказывала всем желающим о своей первой встрече, которая двадцать пять лет назад произошла на этом самом месте. Вокруг было полно народу, дети в теплых куртках играли в прятки, путаясь у взрослых под ногами.

Ветер с дикой скоростью гнал над головами облака. В разрывах между ними то тут, то там неожиданно вспыхивали звезды. Чудесная, волшебная ночь! Первым нарушил молчание Гудрич.

– Парень в оранжевой спортивной куртке, – тихо сказал он Натану.

– Простите, что?..

– Вон там, парень в оранжевой куртке!

Натан прищурился и с трудом рассмотрел человека, о котором говорил Гудрич. Парень лет двадцати только что вышел на площадку. Его подбородок зарос светлой щетиной, длинные грязные волосы были заплетены в дреды. Он дважды обошел смотровую площадку – так близко от Натана, что тот заметил воспаленные глаза, мечущийся взгляд. Парень был явно измучен, его искаженное страданием лицо разительно отличалось от других. Возможно, это наркоман...

– Его зовут Кевин Уильямсон, – сообщил Гудрич.

– Вы знакомы?

– Нет. Его отец бросился отсюда вниз еще в то время, когда здесь не было защитных решеток. Уже неделю Кевин приходит сюда каждый день.

– Откуда вы все это знаете?

– Провел маленькое расследование.

Натан помолчал.

– Какое все это имеет отношение ко мне?

– Все, что происходит с такими, как мы, касается и нас, – сказал Гудрич.

Порыв ветра ворвался на площадку. Натан ближе подошел к Гудричу.

– Черт возьми, Гаррет, зачем вы заставили меня наблюдать за этим человеком?!

– Он скоро умрет, – ответил Гудрич.

– Да вы... вы спятили! – воскликнул Натан.

Но он не мог оторвать взгляда от Кевина. Смутное беспокойство терзало его.

Брось, ничего не случится. Все будет хорошо!

Но не прошло и минуты, как молодой человек вытащил из кармана пистолет. Несколько секунд Кевин с ужасом смотрел на оружие в своей дрожащей руке. Сначала никто ничего не замечал, но вдруг раздался пронзительный женский вопль:

– У него пистолет!

Все взгляды устремились на парня. Кевин вздрогнул и направил пистолет на себя. Его губы дрожали от страха, из глаз лились слезы, он вскрикнул...

– Не делай этого! – крикнул кто-то. Люди в ужасе ринулись к выходу, толкая друг друга.

Натан стоял совсем рядом с Кевином и боялся пошевелиться, чтобы не спровоцировать его. Ему уже не было холодно, теперь он горел как в огне.

Только бы он не выстрелил!.. Не стреляй! Не стреляй, парень!

Кевин поднял глаза, в последний раз посмотрел в темное небо и нажал на курок. Звук выстрела разорвал ночную тишину, парень упал, время на миг замерло.

На площадке кричали люди, толпа устремилась к лифтам. Кто-то доставал мобильные телефоны – предупредить семью, близких. После 11 сентября в душах ньюйоркцев поселилось почти осязаемое чувство опасности. Это событие так или иначе коснулось всех, и даже туристам было известно, что на Манхэттене может случиться все что угодно.

Натан и еще несколько человек остались на площадке. Вокруг тела толпились люди; влюбленная пара стояла тут же, оба были забрызганы кровью и беззвучно плакали.

– Отойдите! Дайте ему воздуха! – рявкнул охранник, склонившись над Кевином.

Он вызвал помощь по рации:

– Спасателей и «Скорую»! На восемьдесят шестом этаже пострадавший, пулевое ранение.

Снова наклонившись к Кевину, он понял, что помощь уже не понадобится.

Натан, стоя в метре от погибшего, не мог заставить себя отвернуться. На лице Кевина навсегда застыла маска ужаса, широко открытые глаза смотрели в пустоту. За ухом была кровавая дыра с обугленными краями, часть черепа разможжена, а то, что осталось, забрызгано кровью и мозгами... Натан понял, что никогда не сможет забыть этого зрелища, оно вновь и вновь будет возвращаться к нему, преследовать по ночам.

Вокруг начали собираться любопытные. Какой-то мальчик потерял родителей и стоял у трупя, замороженный видом крови. Натан взял его на руки и повернулся, чтобы ему не было видно.

– Идем со мной, малыш! Не волнуйся, все будет хорошо... Все будет хорошо...

Поднимаясь к лифту, он заметил, что Гудрич пытается скрыться в толпе, и бросился к нему.

– Гаррет! Черт возьми, подождите!

С ребенком на руках он пробивался через толпу.

– Откуда вы узнали?! – крикнул Натан, схватив доктора за рукав.

Гудрич молча смотрел на него. Натан попытался остановить его, но тут подбежали родители мальчика. Они сбились с ног, разыскивая сына, и теперь бурно радовались.

– О, Джеймс, малыш! Как ты нас напугал!..

С трудом отделившись от них, Натан снова почти нагнал доктора, когда тот уже вошел в лифт.

– Почему вы ничего не сделали, Гаррет?

На долю секунды их глаза встретились, но двери лифта уже закрывались. Натан только успел снова крикнуть:

– Почему вы ничего не сделали?! Вы же знали!

5

Мы не спешим верить в то, во что верить не хочется.
Овидий

10 декабря

Ночью Натан почти не спал. Проснулся он поздно, в холодном поту, и первое, что почувствовал, – тяжесть в груди, которая беспокоила его уже несколько дней. Он повернулся на правый бок, и острая боль пронзила все тело.

Ему снова приснилось, как он тонет. Это наверняка потому, что Гудрич говорил о лебедях. Когда Натан встал, ноги у него тряслись, его лихорадило так, что пришлось измерить температуру. Тридцать семь и восемь... ничего страшного. Но от пробежки придется отказаться. День обещал быть не слишком приятным.

В аптечке Натан нашел таблетку и проглотил ее, запив глотком воды. Он всегда принимал эти таблетки, когда плохо себя чувствовал. Потом собрал разбросанные по дивану папки с бумагами. Вчера вечером ему не удалось поработать, значит, сегодня нужно наверстать упущенное и закончить с делом «Райтби». Известный акционерный дом, который он защищал, обвиняли в нарушении антимонопольного закона: «Райтби» договорился со своим основным конкурентом о размере ставок на продажу произведений искусства. Дело было довольно щекотливым: на кону стоял не только гонорар Натана, но и его профессиональная репутация.

Натан уже опаздывал на работу, но все равно дольше обычного простоял под горячим душем, прокручивая в памяти самоубийство Кевина Уильямсона. В ушах звучали обрывки фраз Гудрича: «Думаю, это я могу быть вам полезен», «Вы узнаете, что некоторые испытания могут оказаться очень тяжелыми», «К испытаниям нужно быть готовым».

Что, черт побери, этому типу нужно от Натана? Может быть, нужно кого-нибудь предупредить? Обратиться в полицию? Кроме того, вчера погиб человек. Да, это было самоубийство, совершенное на глазах десятков свидетелей. Однако Гудрич знал об этом заранее и не должен был этого скрывать.

Выйдя из душа, Натан энергично растерся полотенцем. Наверное, лучше не думать об этом. Нет времени. Никогда больше не встречаться с Гудричем. Тогда все придет в норму. Перед выходом Натан проглотил две таблетки аспирина и одну – витамина С. Не стоило, конечно, увлекаться лекарствами, но он подумает об этом в другой раз.

Такси пришлось ловить долго. «Да уж, похоже, я приеду позже всех», – думал Натан, из вежливости поддерживая разговор с водителем-пакистанцем. Большой грузовик остановился перед зданием «Дженерал моторс» и перекрыл движение в сторону Мэдисон-авеню. Натан вышел на Парк-авеню и пошел пешком между небоскребами из стекла и металла. Вокруг кипела жизнь большого города, раздавались выкрики уличных зазывал, гудки лимузина с тонированными стеклами... Внезапно Натану стало душно, он чувствовал себя раздавленным.

Он пришел в себя только у великолепного входа в здание, которое занимали «Марбл и Марч». Вошел в холл с мозаикой в византийском стиле на потолке и поднялся на тридцатый этаж, где находились большая комната отдыха и кафетерий. Часто, когда работы было особенно много, ему приходилось тут ночевать. Натан взял документы из шкафа и поднялся в свой кабинет.

Секретарша вопросительно посмотрела на него: Натан никогда еще не приходил так поздно.

– Эбби, пожалуйста, принесите мне почту и тройной кофе.

Секретарша укоризненно покачала головой:

– Почта уже час как у вас на столе. Что касается кофе – вы уверены, что тройной?

– Тройной. И без молока, спасибо.

Минут двадцать Натан просматривал письма, потом, допивая кофе, проверил электронную почту. Пришло сообщение от одного сотрудника – тот просил помощи по делу «Райтби». Натан собирался ответить, но никак не мог сосредоточиться.

Нет, он не может делать вид, будто ничего не произошло! С этим нужно разобраться. Натан закрыл ноутбук, взял пальто и вышел из кабинета.

– Эбби, вызовите мне такси и отмените все дела в первой половине дня.

– Но у вас встреча с Джорданом в двенадцать...

– Постарайтесь перенести на вторую половину дня.

– Вряд ли ему это понравится.

– Это уже моя проблема.

Эбби догнала Натана в коридоре и крикнула:

– Натан, вам нужен отдых! Я уже сто раз вам говорила!

– Южный вокзал, – бросил он, сев в такси.

Заплатив таксисту двадцать долларов, Натан успел на десятичасовой паром до Стейтен-Айленда. Около четверти часа он добирался в этот развивающийся район Нью-Йорка. Вид на город открывался красочный, но ни панорама Манхэттена, ни статуя Свободы не привлекли внимания Натана, он думал только о том, как бы побыстрее прибыть на место. Едва сойдя с парома, Натан снова поймал такси и быстро добрался до больницы Стейтен-Айленда.

Корпуса больницы занимали большую территорию недалеко от Сент-Джорджа, городка на северо-востоке острова. Такси остановилось возле Центра хирургии. Снег перестал идти еще вчера, но небо было затянуто серыми тучами. Натан вбежал в здание, дежурная остановила его:

– Приемные часы начинаются в...

– Мне нужен доктор Гудрич!

Дежурная посмотрела в компьютере расписание операций.

– Профессор только что закончил биопсию, а сейчас у него начнется операция по удалению лимфатических узлов. Он не сможет вас принять.

– И все же предупредите его, – попросил Натан. – Скажите, что здесь Дель Амико. Это срочно.

Дежурная пообещала связаться с доктором и проводила Натана в зал ожидания. Гудрич появился четверть часа спустя, в синей медицинской рубашке и бандане. Натан бросился к нему.

– Бог мой, Гаррет, объясните, что...

– Позже. Сейчас я занят.

– Я вас не отпущу! Вы явились в мой кабинет, потом ко мне домой! Заставили стать свидетелем самоубийства и заявили: «Думайте о быстротечности жизни!» И все?! И больше ничего?! Это невыносимо!

– Поговорим позже. Моему пациенту необходимо срочно удалить опухоль.

Натан с трудом удерживался, чтобы не вцепиться доктору в глотку.

– Вы можете пойти со мной, – предложил Гудрич, поворачиваясь к нему спиной.

– Что?..

– Пойдемте, будете присутствовать на операции. Это очень поучительно.

Чувствуя, что спорить бесполезно, Натан пошел следом. Гудрич тщательно вымыл руки, до локтей натер их антибактериальным гелем и надел маску.

– Что у нас в программе? – Натан старался не терять самообладания.

– Вскрытие грудной клетки и удаление части пищевода. – Гудрич толкнул створку двери.

Натан даже не стал пытаться съязвить в ответ, а просто вошел вместе с Гудричем в операционную. Медсестра и ассистент хирурга уже ждали там.

Оказавшись в помещении без окон и залитом резким светом, Натан ясно понял: то, что он здесь увидит, вряд ли ему понравится.

Как и большинство людей, Натан ненавидел отвратительные медицинские запахи. Они всегда вызывали у него неприятные воспоминания. Он встал в дальнем углу и больше не открывал рта.

– Злокачественная опухоль, – пояснил Гудрич коллеге. – Пациенту пятьдесят лет, заядлый курильщик, диагноз поставлен поздно. Поражена слизистая, метастазы в печени.

Гудричу подали поднос с хирургическими инструментами; он взял скальпель и дал сигнал начинать.

Натан следил за этапами операции по небольшому монитору над головой пациента. Разрез треугольной связки... Освобождение пищеводной щели... На экране не было видно ничего, кроме сплошной кровавой массы. Как только хирурги там что-то различают? Натан не был ипохондриком, но поймал себя на том, что думает о ноющей боли в груди. На Гудрича он смотрел с неподдельным ужасом, а тот работал быстро, увлеченно и был полностью поглощен своим делом.

Нет, он вовсе не сумасшедший. Он опытный врач. Человек, который каждое утро встает, чтобы спасти людям жизнь. Но что ему от меня нужно?..

Ассистент попытался заговорить с Гудричем о какой-то бейсбольной лиге, но тот лишь взглянул на него, и ассистент сразу умолк. Натан снова отвел глаза от экрана. Операция шла своим ходом: желудочная трубка, грудной и брюшной дренаж... Натан чувствовал себя тут совершенно лишним. Важные бумаги, дела, встречи, миллион долларов на счету в банке казались здесь мелкими и ничтожными.

Операция подходила к концу, когда у пациента вдруг ускорился сердечный ритм.

– Черт! – закричал ассистент. – У него тахикардия!

– Это бывает, – спокойно ответил Гудрич. – Плохо переносит вытеснение сердца. – И попросил сестру сделать укол.

Внезапно Натан почувствовал, как к горлу подступила горечь. Выбежав из операционной, он бросился в туалет. Его долго рвало, хотя он уже сутки ничего не ел.

Гудрич появился через десять минут.

– Он будет жить? – вытирая лоб, спросил Натан.

– Дольше, чем если бы мы ничего не сделали. По крайней мере сможет нормально есть и переваривать пищу. Некоторое время.

– Операция прошла нормально, – сообщил Гудрич жене пациента. – Конечно, могут возникнуть осложнения, но думаю, все обойдется.

– Спасибо, доктор! Вы спасли его!

– Мы сделали все возможное.

– Я так вам благодарна! – Женщина пожала руку и Натану, приняв его за ассистента хирурга.

Натан не стал ее разубеждать.

Гудрич и Натан заказали кофе в больничном кафетерии и сели за стол, на котором уже стояла корзинка с пончиками.

– Хотите? – спросил Гудрич. – Они жирноваты, но...

Натан покачал головой:

– У меня во рту до сих пор мерзкий привкус...

Едва заметная улыбка скользнула по лицу Гудрича.

– Итак, я слушаю вас.

– Нет, Гаррет, это я вас слушаю. Зачем вы ко мне пришли? И как вы узнали, что Кевин собирается пустить себе пулю в голову?

Гудрич придвинул к себе чашку, положил сахару и налил молока.

– Я не уверен, что вы готовы...

– К чему?

– Услышать то, что я скажу.

– О, я готов ко всему! Только не тяните резину!

– А вы прекратите каждые две минуты смотреть на часы.

– Хорошо, – вздохнул Натан, ослабил галстук и снял пиджак.

Гудрич откусил пончик и запил кофе.

– Вы думаете, что я сумасшедший?

– Если честно, да, – серьезно ответил Натан.

– Вы слышали о хосписах?

– Я читал, что вы руководите хосписом при этой больнице.

– Совершенно верно. Как известно, хоспис, или центр паллиативной помощи, – это место, где заботятся о смертельно больных.

– Вы оказываете им психологическую поддержку...

– Да. Им остается жить несколько недель, и они это знают. С этим очень трудно смириться.

Было уже два часа дня, в кафетерии становилосьлюдно. Натан достал сигарету, но не закурил.

– Наша задача – подготовить их к смерти, – продолжал Гудрич. – Использовать то небольшое количество времени, которое у них осталось, чтобы помочь им уйти с миром. В мире с собой и с другими.

– Очень хорошо, но при чем тут...

Гудрич взорвался:

– При чем тут вы? Всегда один и тот же вопрос вашего маленького эго! Какое отношение к Натану Дель Амико, великому адвокату, который зарабатывает четыреста долларов в час, имеют чужие несчастья?! Не можете даже на минуту забыть о своей важной персоне?

Натан стукнул кулаком по столу:

– Послушайте меня, вы! Черт бы вас побрал! Никто не смеет так со мной разговаривать! – Он вскочил. Чтобы успокоиться, Натан подошел к буфету и купил бутылку минеральной воды. Разговоры в кафе прекратились, все осуждающе смотрели на него.

Держи себя в руках. Ты все-таки в больнице!

Натан открыл бутылку, выпил половину и через минуту вернулся за столик. Он в упор посмотрел на Гудрича.

– Продолжайте, – сказал он уже спокойнее, однако в его голосе звучала враждебность.

Гудрич снова заговорил:

– Хосписы созданы для тех, кто неизлечимо болен. Но очень часто смерть нельзя предвидеть заранее.

– Например, если человек умер в результате несчастного случая?

– Да, причиной может быть несчастный случай, или насильственная смерть, или неизвестная болезнь, или диагноз, который поставили слишком поздно.

Натан чувствовал, что скоро все разъяснится. И еще он все время чувствовал боль в груди.

– Как я уже говорил, – продолжал доктор, – человеку легче принять смерть, если он привел в порядок все свои дела.

– Но это невозможно, если смерть приходит внезапно!

– Иногда ее можно предвидеть.

– Как это?

– В этом и заключается одна из миссий Вестников.

– Вестников?

– Есть люди, которые готовят тех, кому предстоит скоро умереть, к переходу в мир иной. *Мир иной?.. Что за бред!* Натан покачал головой.

– Вы хотите сказать, что... Вестникам заранее известно, кто должен умереть?

– Да, – подтвердил Гудрич. – Они облегчают человеку расставание с телом. Помогают привести дела в порядок.

– Думаю, насчет меня вы ошиблись, – вздохнул Натан. – Я приверженец философии Декарта и во всякую мистику верю не больше, чем дождевой червь.

– Я понимаю. В то, что я вам сказал, поверить трудно.

Натан пожал плечами и повернулся к окну. Серые снежные тучи снова затянули небо.

– Если я правильно понял, вы и есть один из этих...

– ...Вестников. Да.

– И поэтому вы заранее знали про Кевина?

– Да.

Не позволяй втянуть себя в эту игру!

Но Натан не удержался:

– И как же вы подготовили его к «великому переходу»? Как облегчили «расставание с телом»? Не могу сказать, что перед смертью Кевин выглядел умиротворенным!

– Не всегда удается что-то предпринять, – признал Гудрич. – Этот парень был на грани.

– Вы могли остановить его. Предупредить кого-то из охраны, полицию...

Гудрич возразил:

– Это ничего бы не изменило. Нельзя предотвратить неизбежное. Никто не может отменить или отсрочить смерть.

«Великий переход», «Вестники»... Почему не чистилище и ад?!

Натану потребовалось несколько секунд, чтобы обдумать услышанное. Потом, криво улыбнувшись, он сказал:

– Вы действительно думаете, что я вам поверю?

– Верите вы или нет, мы существуем.

– Еще раз повторяю, вы теряете время, я не религиозный человек.

– Это не имеет никакого отношения к религии.

– Я искренне уверен, что вы сошли с ума, и мой долг сообщить об этом директору больницы.

– Значит, я уже больше двадцати лет сумасшедший. – Голос Гудрича стал более убедительным. – И разве я не предупредил вас о Кевине?

– Это ничего не доказывает. Есть множество признаков, по которым вы могли догадаться о самоубийстве.

– И каких же?

– Например, вы как-то узнали, что Кевин принимал наркотики или состоял в какой-нибудь секте...

– Поверьте, Натан, я не собираюсь морочить вам голову. Я просто говорю, что могу предвидеть смерть. Я знаю, что человек умрет, прежде чем появляются первые симптомы болезни, и стараюсь его подготовить.

– Откуда же у вас такие способности?

– Это сложно объяснить.

Натан встал, надел пиджак и пальто:

– Думаю, на сегодня с меня хватит.

– Я тоже так считаю, – согласился Гудрич.

Натан подошел к выходу, шагнул за порог, но вдруг вернулся и ткнул Гудрича пальцем в грудь.

– Прошу прощения, что снова говорю о своей ничтожной персоне, но не хотите ли вы намекнуть, что пришли за мной?

Ответа не последовало.

– Вы здесь из-за меня, Гудрич, так? Именно это я должен понять? Пришел мой час? Это конец?

Гудрич казался озадаченным. По его лицу было видно, что он хотел бы избежать этого разговора.

– Я этого не говорил.

Натан продолжал, быстро и громко:

– Вот как вы работаете? «Внимание, вам осталось жить всего неделю! Поторопитесь сделать последние приготовления!»

Гудрич попытался объяснить:

– Я просто это знаю, и все...

– Прекрасно. Покажитесь врачу, Вестник! – и Натан ушел.

Гудрич допил кофе, потер виски. Через стекло он видел удаляющийся силуэт Дель Амико. Белые хлопья снега падали ему на голову, слепили глаза, но Натан, казалось, не замечал этого. В динамиках у стойки звучала джазовая композиция Билла Эванса. Все это было очень грустно...

6

*Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь?
Не приходится ли средь бела дня зажигать фонарь?
Нищие⁵*

– Сколько дней за последние три года я был в отпуске?

Было шесть часов вечера. Натан сидел в кабинете Эшли Джордана и просил дать ему две недели отпуска. С Джорданом их связывали сложные отношения. В начале карьеры Натан был его протеже, но Эшли постоянно подавлял амбиции молодого коллеги, упрекая его в том, что он тянет одеяло на себя. Натан быстро понял, что Джордан не тот человек, который станет смешивать бизнес и дружбу. Он прекрасно знал, что, если однажды у него возникнут серьезные проблемы, к Эшли обращаться бесполезно.

Натан вздохнул: последние события глубоко его потрясли. А тут еще эта боль в груди... По правде говоря, он не знал, что и думать о том, что сказал Гудрич. Ясно одно: нужно взять отпуск и побыть с дочерью.

И он снова спросил:

– Сколько дней я был в отпуске за последние три года?

– Ни одного, – признал Джордан.

– Сколько дел я проиграл?

Джордан вздохнул и против воли улыбнулся. Он знал эту песню наизусть.

– Ты не проиграл ни одного дела за последние несколько лет.

– Я не проиграл ни одного дела за всю свою карьеру, – уточнил Натан.

Джордан согласился, потом спросил:

– Это из-за Мэлори, да?

Натан сделал вид, что не слышал вопроса:

– Я возьму с собой ноутбук, если возникнут проблемы, ты сможешь со мной связаться.

– Ладно, бери отпуск, если тебе так приспичило. И ты прекрасно мог бы обойтись без моего разрешения. Я сам прослежу за делом «Райтби». – И, давая понять, что разговор окончен, Джордан уткнулся в экран своего компьютера.

Но Натан не собирался уходить. Повысив голос, он продолжил:

– Я прошу немного времени, чтобы побыть с дочерью. Не понимаю, почему это превращается в проблему.

– Никаких проблем. – Джордан поднял глаза. – Просто это несколько неожиданно, а ты прекрасно знаешь, в нашем деле неожиданности не приветствуются.

11 декабря

Будильник зазвонил в пять тридцать. Натан спал несколько часов, но боль не отступала. Она сдавила грудь, перекинулась на левое плечо и пульсировала в руке. Натан не решился сразу встать с постели, он глубоко дышал, стараясь успокоиться. Это помогло – боль прошла, но он еще минут десять лежал и думал о том, чем будет сегодня заниматься. Наконец он принял решение.

Черт возьми! Я не собираюсь сидеть сложа руки. Я должен знать!

Он встал и решительно направился в душ. Очень хотелось кофе, но придется подождать: анализ крови делают натощак. Натан спустился вниз на лифте, быстро пересек холл. Остановился поздороваться с портье.

⁵ Перевод К. Свасьяна.

- Здравствуйте, Питер. Как вчера сыграли «Кникс»?
- Выиграли двадцать очков у «Сиэтла». Вард забил несколько красивых мячей.
- Очень хорошо, надеюсь, что они и «Майами» разгромят!
- Вы сегодня не бегаєте?
- Нет, механизм вышел из строя.
- Выздоровливайте скорее...
- Спасибо, Питер, удачного дня.

На улице было темно и холодно. Натан перешел дорогу и поднял глаза: вон оно, окно его квартиры в северной башне «Сан-Ремо». Как всегда, повторил про себя: «Все не так уж плохо». Действительно, совсем неплохо для мальчишки, выросшего в грязном квартале на юге Квинса. У него было трудное, очень бедное детство. Они жили вдвоем с матерью и не голодали только благодаря талонам на питание, которые выдавали нуждающимся.

«Все не так уж плохо». Теперь он жил в одном из самых престижных районов, рядом парк и две станции метро, хотя жители «Сан-Ремо» не так часто пользовались подземкой. Сто тридцать шесть квартир: деловые люди, старожилы Нью-Йорка, звезды мира финансов, кино и шоу-бизнеса. Рита Хейворт жила здесь до самой смерти. Поговаривали, что и у Дастина Хоффмана была здесь квартира.

Натан все смотрел на вершину «Сан-Ремо» – две одинаковые башни в романском стиле придавали дому сходство со средневековым собором. «Не так уж плохо».

Конечно, нужно признать, что он не смог бы купить квартиру в этом доме, каким бы блестящим адвокатом ни был, и благодарить за нее надо тестя. Ладно, бывшего тестя – Джеффри Векслера.

Много лет, приезжая в Нью-Йорк по делам, Джеффри останавливался в этой квартире. Он был строгим и непреклонным, настоящим представителем бостонской элиты. Квартира принадлежала семейству Векслеров с момента постройки здания. В 1930 году его спроектировал Эмери Рот, очень талантливый архитектор, который был автором и других престижных домов вокруг Центрального парка.

Чтобы присматривать за квартирой, Векслер нанял итальянку. Ее звали Элеонора Дель Амико, она жила с сыном в Квинсе. Джеффри нанял ее, хотя его жена возражала. Позже Векслеры поручили ей заботу и об их доме на острове Нантакет. Именно там произошло событие, которое перевернуло жизнь Натана: он встретил Мэлори.

Работа матери позволяла Натану вблизи наблюдать за жизнью американской аристократии. Он мечтал об уроках игры на фортепиано, прогулках на яхте, хлопающих дверцах «Мерседеса». У него не было ни отца, ни денег, ни герба частной школы на лацкане пиджака, ни модной одежды, но благодаря Мэлори ему перепали крохи с этого праздника жизни.

Иногда его приглашали на роскошные пикники в тенистых уголках Нантакета. Натан много раз ходил с Векслером на рыбалку, а потом они пили кофе с шоколадными пирожными. Элизабет Векслер иногда разрешала Натану брать книги из их домашней библиотеки. Однако, несмотря на внешне доброжелательное отношение, Векслеров смущало, что сентябрьским днем 1972 года их дочь спас именно сын прислуги.

Эта неловкость не исчезла с годами, наоборот, со временем она превратилась в открытую неприязнь. Когда они с Мэлори решили сначала жить вместе, а потом пожениться, Векслеры сделали все возможное, чтобы разлучить их. Но у них ничего не вышло. Мэлори устояла перед «призывами к здравому смыслу».

Эта борьба продолжалась до знаменательного вечера 1986 года накануне Нового года, когда в огромном доме Векслеров собрались сливки бостонской аристократии. Мэлори неожиданно появилась перед всеми под руку с Натаном и представила его как будущего мужа. Джеффри и Лиза поняли, что не смогут вечно сопротивляться ее решению. С этим ничего нельзя

было поделаться, и, чтобы сохранить отношения с дочерью, Векслерам пришлось принять Дель Амико в свой круг.

Решительность Мэлори ошеломила Натана. Даже сегодня, когда он вспоминал об этом, у него по спине бежали мурашки. Для него тот вечер навсегда останется воспоминанием о том, как Мэлори перед лицом всех присутствующих, перед всем миром сказала ему «да!».

Но и после свадьбы Векслеры не признали Натана – ни после того, как он получил диплом Колумбийского университета, ни когда начал работать в престижной адвокатской фирме. Дело было не в деньгах, а в происхождении. В их кругу положение зависело от того, в какой семье ты родился. Для них Натан навсегда остался сыном прислуги, он никогда не принадлежал и не будет принадлежать к их обществу.

А потом, в 1995 году, случился этот процесс... Дело было не совсем по его части, но, изучив документы, Натан твердо решил за него взяться. Один из учредителей фирмы «Софт-тонлайн», после того как его предприятие было выкуплено крупной бостонской компанией, был, по его словам, безосновательно уволен новыми владельцами и потребовал компенсацию в двадцать миллионов долларов. Отказ выплатить эту сумму повлек за собой судебное разбирательство. Именно в этот момент клиент обратился в «Марбл и Марч».

В то же время бостонские акционеры обратились в контору «Бранаг и Митчелл», которую возглавлял Джеффри Векслер. Мэлори умоляла Натана отказаться от этого дела – ничего хорошего оно не сулило, только все усложняло, тем более что Векслер решил лично им заниматься.

Натан не послушался, он хотел показать, на что способен выходец из низов. Он пришел к Векслеру и заявил, что собирается выиграть дело. Векслер его выгнал.

Такие дела почти никогда не доводят до суда, обычно все решается примирением сторон, и работа адвокатов сводится к тому, чтобы достичь условий соглашения, максимально выгодных для обеих сторон. По совету Векслера, бостонская компания предложила компенсацию в шесть с половиной миллионов. Честное предложение, большинство адвокатов его бы приняли. Однако вопреки всем законам благоразумия Натан убедил клиента не уступать.

Через несколько дней «Бранаг и Митчелл» сделали последнее предложение: восемь миллионов долларов. Натан был готов уступить, если бы не слова, сказанные Векслером:

– Дель Амико, вы уже заполучили мою дочь. Вам что, этого мало?

– Я не «заполучил» вашу дочь. Я люблю Мэлори, но вы почему-то не хотите этого понять.

– Я раздавлю вас, как таракана!

– Этот презрительный тон вам не по может. – Подумайте хорошенько. Если ваш клиент потеряет восемь миллионов, пострадает ваше имя. Известно ли вам, насколько хрупка и уязвима репутация адвоката?

– Беспокойтесь лучше о своей репутации.

– У вас один шанс из десяти выиграть дело.

И вы это знаете.

– Что вы готовы поставить на кон?

– Да я скорее повешусь, если проиграю.

– Так много мне не нужно.

– Что тогда?

Натан задумался:

– Квартиру в «Сан-Ремо».

– Вы сумасшедший!

– Джеффри, я считал вас честным игроком.

– У вас нет шансов.

– Вы только что сказали – один из десяти. Векслер был настолько уверен в себе, что в конце концов принял пари:

– Ладно. Если вы выиграете, я оставлю вам квартиру. Мы скажем, что это подарок ко дню рождения Бонни. Заметьте, я ничего не требую от вас, если вы проиграете. Вам и так хватит неприятностей, а я не хочу, чтобы моя дочь была замужем за нищим.

Битва продолжалась. Пари, заключенное с Джеффри, нарушало профессиональную этику. Натану не делало чести, что он играл судьбой клиента, решая личные проблемы, но случай и правда был редкий...

Исход этого относительно простого дела был неясен. Все зависело от судьбы. Отказавшись от предложения Векслера, клиент Натана рисковал потерять все. Джеффри, опытный адвокат, объективно был прав – шансы противника на победу сводились к нулю. Но Натан выиграл дело: нью-йоркский судья Фредерик Джей Ливингстон принял решение признать виновной фирму «Софтонлайн», принадлежащую теперь бостонской компании, и выплатить бывшему учредителю двадцать миллионов долларов.

Нужно отдать Векслеру должное: он принял поражение совершенно невозмутимо, и через месяц в квартире «Сан-Ремо» не осталось ни одной его вещи. Мэлори не ошиблась: этот процесс не улучшил отношений Натана с ее родителями. Разрыв между Джеффри и Натаном стал окончательным, они не разговаривали вот уже семь лет. Натан подозревал, что Векслеры в душе радовались разводу дочери.

Опустив голову, Натан вспоминал свою мать. Она умерла от рака за три года до знаменитого процесса, но ее сын живет здесь, в Централ-Парк-Уэст, 145, на двадцать третьем этаже.

Жизнь Элеоноры складывалась непросто. Ее родители, уроженцы портового города Гаэта, расположенного в ста километрах к северу от Неаполя, эмигрировали в Соединенные Штаты, когда ей было девять лет. Элеонора осталась без образования, ей пришлось слишком рано бросить школу, и она так и не научилась говорить по-английски правильно и без акцента.

В двадцать лет она встретила Витторио Дель Амико, который работал на стройке Линкольнцентра. Он был красив, красноречив, и у него была потрясающая улыбка... Через несколько месяцев Элеонора забеременела. Они поженились, но Витторио оказался жестоким и безответственным. В конце концов он бросил жену и ребенка и уехал, не оставив адреса.

Чтобы свести концы с концами, Элеоноре приходилось наниматься на две, а то и на три работы сразу. Она работала прислугой, официанткой, администратором в дешевых гостиницах – не отказывалась ни от чего и переносила любые унижения. Рассчитывать приходилось только на себя, ни родных, ни друзей у нее не было. Жили они бедно, но у Натана всегда была чистая одежда и все необходимое для школы.

Элеонора очень уставала, но Натан никогда не видел, чтобы она отдыхала. Она не ездила в отпуск, не читала книг, не ходила в кино или рестораны. Всю свою жизнь она посвятила тому, чтобы воспитать сына. У нее самой были пробелы в образовании, но она следила за его учебной и помогала чем могла. Самоотверженная любовь к сыну заменяла ей любые дипломы. Элеонора часто говорила Натану, что всегда хотела мальчика, а не девочку, и добавляла: «Тебе будет легче пробиться в мире, где власть пока принадлежит мужчинам!»

Первые десять лет жизни мать была для Натана центром вселенной, волшебницей – если его мучили ночные кошмары, она вытирала ему лоб влажным полотенцем, она говорила ему ласковые слова, а иногда оставляла несколько монет рядом с его утренней чашкой какао.

Со временем разница в положении отдалила их друг от друга. Сначала Натан открыл для себя волшебный мир Векслеров, а в двенадцать лет он пошел в школу Уоллеса. В эту частную манхэттенскую школу каждый год принимали десять лучших учеников из бедных кварталов

и назначали им стипендию. Приятели, жившие в шикарных кварталах Истсайда и Грэммерси-парка, часто приглашали Натана в гости. Вот тогда он и начал стыдиться матери – ее плохого английского, грамматических ошибок, низкого социального положения, которое так бросалось в глаза. Впервые забота Элеоноры показалась ему навязчивой, и он стал все больше отдаляться от нее.

Пропасть между ними стала еще больше, когда Натан стал учиться в университете. Женитьба ничего не изменила, хоть Мэлори настаивала, чтобы он заботился о матери. Натан был слишком занят карьерой и не понимал, что матери нужна его любовь, а не деньги.

А потом наступило пасмурное ноябрьское утро 1991 года, когда ему позвонили из больницы и сказали, что Элеонора умерла.

Натан вдруг понял, как сильно он любит мать. Он мучился угрызениями совести, вспоминая, каким равнодушным или неблагодарным он был. Теперь не проходило дня, чтобы он не думал о матери. Каждый раз, встречая на улице бедно одетую усталую женщину, он вспоминал мать, и сердце его сжималось от раскаяния. Но было уже слишком поздно. Каждую неделю Натан приносил на могилу матери цветы; но ничто из того, что он делал теперь, надеясь вымолить прощение, не могло восполнить время, которого он не провел с ней, живой.

В больнице, в тумбочке у ее кровати Натан нашел две фотографии. Первая была сделана в 1967 году: воскресный день, они сфотографировались в парке аттракционов на Кони-Айленд. Натану три года, он держит в руках мороженое и восхищенно смотрит на карусель. Мать гордо держит его на руках. Одна из редких фотографий, где она улыбается.

Вторую фотографию Натан помнил лучше – вручение дипломов после окончания Колумбийского университета. В мантии, наброшенной поверх костюма, Натан смотрит в лицо всему миру, и будущее принадлежит ему! Когда мать забрали в больницу, она взяла с собой эту фотографию, которая всегда стояла в гостиной. Умирая, она хотела видеть напоминание об успехах сына.

Хватит! Нужно прогнать эти мысли, они лишают последних сил. Было чуть больше шести утра. Натан спустился в подземный гараж, где у него было два места. На одном стоял «Ягуар», на другом – «Рейндж Ровер», роскошный темно-синий джип. Натан купил его, когда они с Мэлори решили завести второго ребенка. Мэлори сама выбрала джип: ей нравилось ощущение безопасности, которое возникало в машинах этого класса. Мэлори всегда заботилась о безопасности семьи, это был главный мотив любых ее решений.

«Зачем мне теперь две машины?» – подумал Натан, открывая дверцу «Ягуара». Он все собирался продать «Рейндж Ровер», но руки никак не доходили. Уже тронувшись с места, он подумал, что на дорогах скользко, вернулся и пересел в джип.

Запах Мэлори все еще витал в салоне. Включая двигатель, Натан решил, что продаст «Ягуар» и оставит джип. Он выехал на верхний уровень, вставил магнитную карту в прорезь, шлагбаум открылся, и он выехал в еще спящий город. Снег перестал валить. Какая странная погода – то заморозки, то потепление. Натан порывлся в бардачке и поставил старый диск с записями Леонарда Коэна, любимого певца Мэлори.

Несколько лет назад Мэлори ездила в Женеву на демонстрацию глобалистов против засилья многонациональных корпораций. После президентских выборов Мэлори активно участвовала в кампании Ральфа Надера. Когда она жила на Восточном побережье, то не пропускала ни одной демонстрации в Вашингтоне против Международного валютного фонда и Всемирного банка. Выступала в поддержку бедных стран и осуждала детский труд. Последние годы активно высказывалась против генетически модифицированных продуктов и много времени посвящала обществу, которое боролось за отказ от использования удобрений и пестицидов в сельском хозяйстве. За два года до разрыва Натан и Мэлори ездили в Индию, где члены

этого общества раздавали крестьянам здоровые семена, убеждая их поддерживать традиционное сельское хозяйство.

Натан скептически относился к щедрости богачей, но постепенно признал, что он занимает позицию человека бездействующего. Иногда он подшучивал над деятельностью Мэлори, но в глубине души восхищался ею. Он понимал: если мир будет рассчитывать на таких, как он, то никогда не дождется помощи.

Дороги были еще свободны. Натан поехал в сторону Нижнего Манхэттена, не думая ни о чем, растворившись в мелодии и хриплом голосе Коэна.

Немного не доезжая до Фоли-сквер, Натан посмотрел в зеркало заднего вида: на сиденье валяется плед с рисунком Нормана Роквелла, известного американского художника и иллюстратора. Они купили этот плед в «Блумингдейле» в самом начале семейной жизни. В него так любила кутаться Бонни. Нет, это не сон, в машине пахнет духами Мэлори – ванилью и цветами. В такие минуты Натану ужасно ее не хватало; иногда он ловил себя на том, что почти физически ощущает ее присутствие.

Все могло бы сложиться иначе, если бы не деньги, разница в происхождении и стремление Натана превзойти самого себя и доказать, что он ее достоин. Ему пришлось превратиться в эгоиста и циника, пришлось стать одним из лучших, чтобы считать себя равным ей.

Натан вдруг испугался, что больше никогда не увидит Мэлори. У него не было никого ближе и роднее, чем жена и дочь. Кто будет с ним, когда придет его смертный час, – Джордан, Эбби? Его накрыло волной грусти.

Когда Натан въехал на Бруклинский мост, ему показалось, что стальные прутья сжали его со всех сторон. Две арки, напоминавшие вход в готический собор, резко выделялись на фоне цепочки небоскребов, навсегда изуродованной исчезновением башен-близнецов. Всякий раз, когда Натан проезжал здесь в тумане, он будто наяву видел их сверкающие фасады, теряющиеся в облаках.

Несколько машин «Скорой помощи» с ревущими сиренами обогнали его, направляясь в Бруклин. Видимо, где-то произошла авария. О, Нью-Йорк! Как он любил и ненавидел этот город.

Съезжая с моста, Натан прозевал перекресток и оказался на узких улочках бруклинского пригорода. Несколько минут он колесил по тихому кварталу и наконец обнаружил поворот на Фултон-стрит. Достал из кармана мобильный телефон и набрал номер. В трубке раздался бодрый голос:

– Доктор Боули, слушаю вас.

Клиника доктора Боули была знаменита отличным качеством медицинских услуг. Крупные фирмы, принимая на работу новых служащих, отправляли их туда на обследование.

– Натан Дель Амико, компания «Марбл и Марч». Я хотел бы пройти полное обследование.

– Переключаю вас на дежурного, – ответил доктор, рассердившись, что его побеспокоили в такую рань лишь для того, чтобы записаться на обследование!

– Нет, доктор, я хочу поговорить именно с вами.

Боули удивился.

– Хорошо, слушаю вас.

– Я хотел бы пройти полное обследование, – повторил Натан, – анализ крови, рентген, кардиограмму.

– Уверяю вас, все это входит в обычное обследование.

Натан услышал, как щелкают клавиши.

– Мы можем записать вас... Дней через десять, – предложил Боули.

– Через десять минут! – резко ответил Натан.

– Вы... вы шутите?

– Наша компания защищала вас в деле с налогами. Три года назад, насколько я помню.

– Совершенно верно, – подтвердил Боули, удивившись еще больше. – И вы хорошо выполнили свою работу.

– Я знаю. Мой коллега занимался вашим делом, поэтому я в курсе, что вы утаили кое-какие документы от налоговых служб.

– На что вы намекаете?

– У меня есть друзья в Казначействе, которым могла бы быть интересна эта информация.

– Но это нарушение профессиональной этики! – возмутился доктор.

– Конечно, – согласился Натан, – но вы не оставляете мне выбора.

Встречная машина ослепила его. Натан уронил телефон и резко вывернул руль вправо, чтобы избежать столкновения.

– Аллю? – произнес он, нашарив трубку.

Сначала он решил, что Боули отключился, но через некоторое время тот заговорил:

– И речи быть не может, чтобы я позволил себя шантажировать. Если вы думаете, что меня можно...

– Неужели я прошу так много? – вздохнул Натан. – Просто мне необходимо пройти сегодня полное обследование. Я хорошо заплачу.

Натан нашел место на стоянке недалеко от клиники, хлопнул дверцей, нажал кнопку автоматического замка. Доктор Боули опять помолчал и сказал:

– Послушайте, мне не нравятся ваши методы, но я посмотрю, есть ли у меня сегодня свободное время. Когда вы хотите прийти?

– Я уже здесь. – Натан открыл дверь клиники.

7

*Мертвые невидимы, но они не отсутствуют.
Святой Августин*

Натана проводили в тускло освещенную, холодную и мрачную комнату. На кушетке лежала пластиковая карточка с информацией об этапах обследования. Натан точно следовал инструкциям: разделся, переделся в халат, вымыл руки и наполнил банку мочой. Потом позвал лаборанта, и тот взял у него на анализ кровь.

Кабинеты других специалистов были разбросаны по всей территории клиники. Натану выдали магнитную карту, с которой он переходил из корпуса в корпус. Веселье началось уже в кабинете доктора Блэксроу, худощавого седеющего мужчины лет пятидесяти. Внимательно осмотрев Натана, Блэксроу стал расспрашивать его о том, чем он болел и чем болели его родственники.

У Натана никогда не было особых проблем со здоровьем, за исключением ревматизма суставов, который он перенес, когда ему было десять лет, и мононуклеоза – в девятнадцать. Нет, венерических заболеваний не было.

Нет, он не знает, от чего умер его отец, да и умер ли он вообще... Нет, мать умерла не от сердечно-сосудистого заболевания, и диабета у нее тоже не было. О бабушках и дедушках ничего не известно.

Потом Блэксроу стал задавать вопросы, касавшиеся образа жизни Натана.

Нет, с тех пор как родилась дочь, он не пьет и не курит. Да, в кармане пиджака у него пачка сигарет (*обыскали мою одежду!*), но он не курит, сигареты нужны ему, чтобы занять руки. Да, иногда он принимает антидепрессанты, как и половина всех, кто страдает от стресса.

Потом Натана направили к специалисту по стрессовым состояниям, и там он прошел сложные тесты на выявление степени наследственной и профессиональной тревожности. Да, он пережил развод. Нет, его не увольняли. Недавно перенес смерть близкого человека. Долгов нет. Его финансовое положение недавно изменилось, но в лучшую сторону.

Изменение привычек сна? У него вообще не было таких привычек. Кто-то известный сказал: «Я не предаюсь сну, я просто падаю в постель и засыпаю». Завершив осмотр, доктор дал несколько советов, которые должны были помочь лучше справляться с так называемыми стрессовыми ситуациями.

Натан слушал рекомендации, а внутри у него все кипело.

Я не собираюсь становиться дзен-буддистом! Я просто хочу знать, угрожает ли что-нибудь моей жизни или нет. И все!

Затем пришлось пройти кардиологическое обследование, это уже было серьезнее. Кардиолог оказался очень приветливым. Натан рассказал ему о боли в груди, которая мучила его уже несколько дней. Врач внимательно его выслушал, расспросил о том, как возникла боль, о том, насколько она сильная, потом измерил давление и попросил пробежаться на тренажере, чтобы узнать сердечный ритм после нагрузки. Затем Натану сделали электрокардиограмму и эхографию сердца.

Отоларинголог проверил горло, нос, пазухи и уши. От проверки слуха Натан отказался, таких проблем у него не было. Пришлось все-таки сделать фиброскопию гортани и рентген легких. Его уверения, что он не курит, врачей не убедили.

– Ну, иногда я выкуриваю одну сигарету, не больше... Ну, вы понимаете...

Натан боялся эндоскопии прямой кишки, но ему объяснили, что это безболезненно. В кабинете уролога Натан опять отвечал на вопросы, на этот раз о простате. Нет, он пока еще

не встает в туалет по три раза за ночь. У него нет проблем с мочеиспусканием. Он, наверное, еще слишком молод для аденомы простаты.

Напоследок осталось пройти ультразвуковое исследование. По разным участкам тела водили датчиком, а на маленьком экране возникали изображения печени, почек, селезенки и желчного пузыря.

Натан посмотрел на часы: два. Уф, наконец-то все! У него кружилась голова. За несколько часов он прошел больше процедур, чем за всю жизнь.

– Результаты получите через две недели, – сказал кто-то у него за спиной.

Натан обернулся. Доктор Боули сердито смотрел на него.

– Как через две недели?! – воскликнул Натан. – Я не могу ждать! Я истощен, я болен! Я должен знать, что со мной!

– Успокойтесь, – мягко произнес доктор, – я пошутил. Первые результаты будут готовы через час. – Он внимательно посмотрел на Натана и встревоженно сказал: – У вас в самом деле усталый вид. Если хотите, можете пока отдохнуть: у нас есть свободная комната на третьем этаже. Я попрошу санитарку принести вам что-нибудь перекусить.

Натан согласился. Он собрал одежду, поднялся в комнату отдыха, переделся и упал на кровать.

Первое, что он увидел, была улыбка Мэлори. Она всегда была солнечной, всегда сияла. Энергичная, радостная и общительная – полная его противоположность. У них в квартире ремонт, за несколько дней он ни разу не заговорил с маляром, а Мэлори меньше чем за час все узнала о его жизни – от названия города, где тот родился, до того, как зовут детей. Натан не презирал людей, вовсе нет, просто он не умел с ними разговаривать. Мэлори вызывала у людей доверие и сама доверяла им, а он не строил иллюзий относительно человеческой природы.

Несмотря на такие разные характеры, несколько лет они прожили очень счастливо. Они оба умели уступать. Конечно, Натан много времени проводил на работе, но Мэлори мирилась с этим, понимая его желание подняться по социальной лестнице. А он не высказывался по поводу активной жизненной позиции жены, даже если считал ее деятельность наивной или смешной. Рождение Бонни только укрепило их взаимопонимание.

В глубине души Натан всегда считал их брак крепким как скала. Но со временем они отдалились друг от друга. У него с каждым днем было все больше работы, появлялись новые обязанности. Он прекрасно понимал, что первые трещины в твердыне их брака возникли именно из-за его занятости.

Но главной причиной стала смерть Шона, их второго ребенка. Это случилось три года назад, зимой, в начале февраля.

Мэлори не захотела брать няню-филиппинку. Она рассуждала так: этим женщинам приходится покидать родину и оставлять своих детей, чтобы воспитывать детей богатых американцев. Если для того, чтобы освободить женщин Севера от забот, все обязанности переложат на женщин Юга, она, Мэлори, лучше обойдется собственными силами. Детьми должны заниматься их собственные родители, и больше никто. А когда Натан возражал, что няня-филиппинка за свои услуги получает столько, что это ни в какое сравнение не идет с тем, что она зарабатывает у себя на родине, и она сможет на эти деньги дать образование своим детям – тогда Мэлори называла его чудовищем и колонизатором и начинала так бушевать, что он жалел, что вообще заговорил на эту тему.

В тот вечер Натан ушел с работы раньше обычного. Мэлори предупредила, что поедет к родителям, она навещала их каждый месяц. Обычно она брала с собой Бонни, но на этот раз у Бонни была ангина, и они решили оставить ее дома. Мэлори улетала в шесть вечера, и Натан застал ее уже в дверях. Поцеловав его на бегу, Мэлори бросила что-то вроде: «Все готово, тебе осталось только подогреть бутылочки в микроволновке. И не забудь, Шон должен срыгнуть».

Натан остался один с двумя детьми. Для Бонни у него было припасено секретное оружие – видеокассета с мультфильмом «Леди и Бродяга». Еще одной причудой Мэлори был бойкот Уолта Диснея. Это не нравилось Бонни, ведь ее лишали чудесных мультиков. Натан вручил ей кассету, после того как она поклялась, что ничего не скажет маме. Очень довольная, она удалилась в гостиную смотреть мультфильм.

Натан уложил Шона в кроватку. Ребенок был спокойным, здоровым, попил из бутылочки, потом уснул. Натан обожал возиться с детьми, но в этот вечер у него не было времени: он работал над важным и сложным делом. Впрочем, других дел ему не поручали, и брать работу домой приходилось все чаще.

Потом Бонни сказала, что хочет есть – конечно, спагетти! Что же еще после «Леди и Бродяги»? Натан приготовил ужин, накормил Бонни, но сам есть не стал. После ужина Бонни без всяких капризов отправилась в постель. Натан напряженно работал еще четыре часа, и в полночь дал Шону последнюю бутылочку. Он устал, а на следующий день нужно было рано встать. Шон уже мог проспять целую ночь подряд, и Натан был уверен, что сын не проснется раньше шести.

Наутро Натан обнаружил в кроватке безжизненное тело сына, лежавшего на животе. Когда он взял его на руки, то заметил на простыне розовое пятно. Он похолодел от ужаса, когда понял... Шон умер тихо. Натан не слышал ни звука, хотя всегда спал очень чутко.

Случаи внезапной смерти новорожденных хорошо известны. Натан и Мэлори знали, что детям вредно спать на животе, и всегда укладывали Шона на спину. Они следили, чтобы его лицо оставалось открытым, а температура в комнате не была слишком высокой, – Мэлори поставила в детской термостат последней модели, который постоянно поддерживал температуру 20°C. Матрас должен быть твердым, и они купили самый дорогой, изготовленный с соблюдением всех норм безопасности. Они были хорошими родителями.

Потом Натана много раз спрашивали: точно ли он положил ребенка на спину? Да, конечно, как обычно, отвечал он. На самом деле, к своему огромному удивлению, Натан этого не помнил. Он никак не мог восстановить ход событий. Зато точно помнил, что в тот проклятый вечер полностью погрузился в работу, изучая бумаги о слиянии двух авиакомпаний.

Он ни разу не укладывал детей даже на бок, не то что на живот, так зачем бы он стал это делать в тот вечер? Но Натан никак не мог вспомнить, как укладывал сына в кроватку. Эта неуверенность терзала его и усугубляла и без того тяжелое чувство вины. А Мэлори считала, что виновата она, потому что не кормила Шона грудью.

Если бы это могло что-то изменить!..

Почему они тогда отделились друг от друга, вместо того чтобы сблизиться? Между ними возникло какое-то странное отчуждение. Натану было тяжело находиться рядом с Мэлори. Как можно было жить, постоянно чувствуя на себе ее взгляд, обвиняющий его, пусть и бессознательно, в смерти Шона? О чем разговаривать, как вспоминать о прошлом? Помнишь, как было здорово, как мы его ждали, как им гордились... Помнишь место, где он был зачат, – домик на горнолыжной станции Уайт-Маунтинз... Помнишь, помнишь?.. Он не знал, как отвечать, когда Мэлори спрашивала: «Натан, ты веришь, что он на небе?», «Ты веришь, что после смерти что-то есть?». Он ничего об этом не знал и ни во что такое не верил. Внутри была лишь бесконечная тоска, страшное чувство потери. Ничто не радовало. Ничто не могло вернуть им сына.

Чтобы продолжать жить, Натан с головой ушел в работу. Но стоило ему появиться в офисе, все задавали один и тот же вопрос: «Как там твоя жена?» Опять его жена!.. А он сам и его боль никого не волновали. Никто не спрашивал, каково ему, как *он* все это пережил. Его считали сильным, жестким, беспощадным – хищником, не имеющим права на слезы и отчаяние.

Натан открыл глаза и резко встал. Конечно, иногда он чудесно проводил время с дочерью, получал удовольствие от занятий спортом, смеялся шуткам коллег. Но даже в такие моменты боль от потери сына не оставляла его.

Через час Натан сидел в кресле напротив доктора Боули и рассматривал латинское изречение в рамке – цитату из Гиппократата: «Ars longa, vita brevis, occasio praeseps, experimentum periculosum, iudicium difficile».

– «Искусство вечно, жизнь коротка, кризис мимолетен, опыт обманчив, а решение трудно», – перевел Боули.

– Я прекрасно знаю, что это значит, – перебил его Натан. – Я все-таки юрист, а не поп-звезда, которая лечится от наркотиков.

– Ладно, ладно, – успокаивающе произнес доктор, протягивая Натану папку «Результаты обследования», в которой лежало тридцать отпечатанных страниц.

Натан, не читая, перевернул несколько листков и спросил:

– Так что там?

Боули вздохнул, он явно тянул время.

Да он просто настоящий садист!

Боули откашлялся.

Ну, давай, скажи, что я вот-вот сдохну!

– Могу дать честное слово, что завтра вы не умрете. В результатах обследования нет ничего тревожного.

– Вы... вы уверены? А сердце?

– Давление и пульс в порядке.

– Уровень холестерина?

Боули покачал головой.

– Все в пределах нормы, никаких причин для беспокойства.

– А боль в груди?

– Ничего страшного. Кардиолог считает, что у вас максимум скрытая стенокардия из-за продолжительного стресса.

– Риск инфаркта?

– Почти нулевой. На всякий случай я дам вам спрей с нитроглицерином, но все пройдет, как только вы как следует отдохнете.

Натан взял лекарство и чуть не расцеловал доктора. Он чувствовал себя так, будто с него сняли каменную плиту. Боули начал долго и подробно рассказывать о результатах анализов, но Натан его уже не слушал. Главное, что он не умрет!

Потом, в машине, Натан внимательно прочитал каждую страницу медицинского заключения. Никаких сомнений, он совершенно здоров! Давно он не чувствовал себя так замечательно. Настроение было просто прекрасным. Натан посмотрел на часы. Действительно ли ему нужен отпуск? Теперь, когда он успокоился, не лучше ли вернуться к работе? «Эбби, принесите дело «Райтби» и восстановите все встречи. Не могли бы вы задержаться сегодня вечером? Нас ждут горы работы!»

Это было бы здорово, но не стоит опережать события. И потом, ему надо побыть с Бонни! Натан поехал в сторону Централ-Парк-Уэст. Ему хотелось одновременно выпить и закурить. В кармане он нашупал твердую пачку.

– Я не курю, это только чтобы занять руки, – передразнил он самого себя и, расхотавшись, закурил сразу две сигареты.

Если он и умрет, то точно не сегодня!

8

Неужели все мы в жизни, как эта маленькая свеча, одни в темноте?

Из фильма Джеймса Кэмерона «Бездна»

Дома Натан приготовил макароны с базиликом и пармезаном и открыл бутылку калифорнийского вина. После ужина снова принял душ, надел кашемировую водолазку и элегантный костюм. Вернулся в гараж, поставил джип на место и пересел за руль «Ягуара». Да, он снова живет! Завтра опять будет бегать в парке! Попросит Питера купить ему билеты на какой-нибудь хороший баскетбольный матч. Натан отыскал среди десятков дисков в бардачке альбом Эрика Клэптона и с наслаждением стал слушать незабываемую «Лейлу». Вот это настоящая музыка!

Вот чем он займется во время отпуска – тем, что действительно любит. У него есть деньги, он живет в одном из красивейших городов мира, а ведь все могло быть гораздо хуже. Надо признать – он испугался, но сейчас-то он совершенно спокоен. Это был всего лишь результат небольшого стресса, дань, которую приходится платить современному миру, вот и все.

Натан сделал музыку погромче, опустил стекло, на полном ходу высунулся в окно и закричал, задрвав голову к небу. Он прекрасно понимал, что это действие калифорнийского вина, и вскоре сбавил скорость. Он приехал в Центр хирургии, где был накануне, но Гудрича там не оказалось.

– Вы найдете его в хосписе, – сказала дежурная, торопливо написав адрес на карточке.

Сегодня большие расстояния не были для Натана помехой. Через считанные минуты он уже стоял перед красивым зданием из розового гранита, окруженным деревьями. Когда Натан вошел, его охватило странное чувство. Это место не было похоже на больницу. Никакого оборудования и непрерывной суеты. В вестибюле стояла высокая наряженная елка, под ней уже лежали первые подарки.

Натан подошел к застекленной двери, которая вела в небольшой заснеженный и ярко освещенный парк. Уже стемнело, редкие снежинки кружили в воздухе. Он прошел по коридору в просторный общий зал, стены которого были задрапированы красной тканью с позолотой. Всюду, как маячки, мерцали маленькие свечи, в тишине разливалась божественная мелодия... Как тут было тихо и спокойно!..

Весь персонал был занят своими делами, никто не обращал на него внимания. А он засмотрелся на женщину в инвалидной коляске. Она была еще молода, но очень исхудала, склоненная набок голова неподвижно застыла. Медсестра кормила ее супом, комментируя мультфильм, который показывали по телевизору.

Натан почувствовал, как чья-то рука легла ему на плечо.

– Привет, Дель Амико! – Гудрич, похоже, совершенно не удивился тому, что встретил его здесь. – Пришли нас навестить?

– Это впечатляет, Гаррет. Я никогда не бывал в таких местах.

Гудрич показал ему хоспис, который был рассчитан на сто мест. Его пациентами были неизлечимо больные люди. В основном они были больны раком в последней стадии, СПИДом или неврологическими заболеваниями.

Натану было трудно встречаться глазами с больными. Сворачивая в очередной коридор, он наконец решился спросить:

– Эти люди знают, что...

– Что они умрут? Конечно, знают. Мы их не обманываем, в последние дни нет места лжи.

Гудрич в сопровождении Натана завершил вечерний обход. Жизнерадостный, приветливый, он для каждого пациента находил время и слова ободрения. Чаще всего разговор шел не о болезни: того, кто был не одинок, он расспрашивал о семье или друзьях. С другими иногда подолгу обсуждал спортивные новости, погоду или политическую обстановку в мире. Гудрич оказался прекрасным собеседником. Даже больные с тяжелым характером, озлобленные на весь мир, смягчались, разговаривая с ним. Его встречали и провожали улыбками.

Он мог бы стать великолепным адвокатом, подумал Натан.

Посещение хосписа потрясло Натана. Вообще-то там оказалось не так ужасно, как он думал. Обитателям этого заведения как будто удалось на время выставить смерть за дверь, хотя они прекрасно понимали, что она скоро за ними вернется.

Гудрич познакомил Натана с добровольцами. Натан искренне восхищался людьми, которые посвящали часть своего времени заботе о других людях, и думал о Мэлори. Она была бы здесь на своем месте, она умела излучать свет и оптимизм. Ему тоже хотелось сопереживать этим людям, но увы...

И все же он сделал, что мог. Он обошел комнаты, предлагая свою помощь, обсудил телепередачу с молодым фотографом, больным СПИДом; помог пообедать пожилому мужчине, который недавно перенес трахеотомию.

В какой-то момент Натан заметил, что у него дрожит рука: приступы кашля у пациента напугали его. Как можно сохранять спокойствие при виде таких страданий? Он сбивчиво извинился перед стариком, но тот, казалось, не заметил его замешательства, просто поблагодарил его улыбкой и закрыл глаза. В комнату вошел Гудрич.

– Дель Амико, вы идете?

Натан не ответил, его взгляд был прикован к умиротворенному лицу умирающего.

– Почему этот человек не боится смерти? – тихо спросил Натан, вставая.

Гудрич поднял очки и потер глаза, размышляя над ответом.

– Жиль уже давно у нас. Ему много лет, и он принял свою болезнь. Такое отношение помогает ему жить в мире с самим собой.

– Я так никогда не смогу, – сказал Натан.

– Вы когда-нибудь слышали, что «страх проходит, когда исчезает надежда»? Можно сказать по-другому: страх смерти уменьшается, когда дела завершены и больше нет никаких планов.

– Как можно жить и ничего не ждать?

– Ну, Жиль все-таки ждет – самого важного события в своей жизни, – ответил Гудрич. – Но не думайте, что все уходит так мирно. Большинство умирает в гневе, негодуя и сопротивляясь болезни.

– Их я понимаю лучше, – ответил Натан.

– Эй, Дель Амико, – сказал Гудрич, заметив грусть на его лице, – этим людям нужны любовь и понимание, а не жалость. Не забывайте, сейчас особое время – большинство знает, что это их последнее Рождество.

– Как и у меня? – с вызовом спросил Натан.

– Кто знает, – ответил Гудрич, пожимая плечами.

Натан решил не развивать эту тему. У него был еще один вопрос, который не давал ему покоя:

– Скажите, вы как врач, наверное, постоянно испытываете разочарование?

– Потому что не могу вылечить этих людей?

Натан кивнул.

– Нет, – ответил Гудрич, – напротив. Это очень трудно, но именно это заставляет не расслабляться. Мы не можем вылечить, но можем облегчить страдания. Хирургия требует от врача огромного мастерства, но не требует сочувствовать пациенту. Тут все наоборот. Мы остаемся с

больными до самого конца. Это может показаться смешным, но на самом деле это очень важно. Честно говоря, гораздо легче резать человека на операционном столе, чем идти вместе с ним навстречу неизвестному.

– В чем же заключается это, как вы его называете... сопровождение?

Гудрич развел руками.

– Это сложно и в то же время очень просто: можно почитать вслух, помочь причесаться, поправить подушку, вывести на прогулку в парк. Но чаще всего вы вообще ничего не делаете, просто сидите рядом с человеком, разделяя его страдания и страх. Вы рядом и готовы его выслушать.

– Я все же не понимаю, как можно смириться с тем, что ты умрешь.

– Отрицать смерть – не выход! Наше общество уже сделало эту тему запретной, когда избавилось от некоторых обрядов, предваряющих переход. Вот почему люди остаются в одиночестве, когда сталкиваются со смертью. – Гудрич помолчал и добавил: – И все же в смерти нет ничего необычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.